

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

**ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ПУШКИНА**

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

I

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей —
И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страдания.

Полный текст этого стихотворения был опубликован впервые в книге проф. И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг Пушкина». ² До тех пор мы знали из него только четыре первых строки; издатели относили их к 1826 году. На автографе этого стихотворения, принадлежавшем И. А. Шляпкину, находим точную дату: «1825 Триг. 23 Тригорск. 22». ³

К кому относится это стихотворение? Чьей памяти поэт приносит в жертву все драгоценные порывы своей души? П. А. Ефремов в издании 1882 года (т. II, стр. 398) высказал предположение, что эти стихи вызваны воспоминанием об одесской знакомой Пушкина, Амалии Ризнич. И. А. Шляпкин полагает, что в виду даты: «1825 год», раньше неизвестной, окончательно падает предположение П. А. Ефремова, и высказывается положительно за то, что оно относится к известной Анне Петровне Керн. То или иное решение вопроса о том,

¹ Статья напечатана впервые в Вестнике Европы 1904 года, январь; перепечатано с некоторыми изменениями в книге «Пушкин. Очерки». Здесь вновь пересмотрена, исправлена, дополнена.

² В нашем очерке мы касаемся лишь одного недоумения, возбуждаемого трудом И. А. Шляпкина и связанного с важным вопросом о биографическом элементе в стихах Пушкина, с вопросом о правильности наших утверждений о посвящении тому или другому лицу различных стихов Пушкина. Это — один из запутаннейших вопросов в истории Пушкинского творчества.

³ В настоящее время автограф находится в Пушкинском Доме. Дата под текстом и имеет следующий вид

Триг. 23 1825
Тригорск 22

к кому относятся различные стихотворения Пушкина, имеет важное значение для биографии поэта. Несомненными являются указания его самого, но они редки, и приходится делать одни предположения, — а между тем, в собраниях сочинений, даже самых новейших, мы встречаем не мало таких догматических «усвоенных» стихотворений Пушкина тому или другому лицу, — усвоенных, которые каким-то неведомым путем повысились из догадок на степень достоверных свидетельств. В особенности мало достоверны и спутаны указания при стихотворениях, связанных с семьей Раевского и с пребыванием Пушкина на юге, при посланиях кн. М. А. Голицыной, урожд. Суворовой, при стихах, посвященных Амалии Ризнич. Попытаемся разобраться в том, кому же именно посвящено стихотворение: «Все в жертву памяти твоей» и т. д.

Относится ли оно к А. П. Керн? Об ее отношениях к Пушкину, по крайней мере, в тот 1825 год, к которому относят это стихотворение, мы можем судить по письмам к ней А. С. Пушкина, напечатанным во всех изданиях. Не вдаваясь в подробности этих отношений, отметим только общий, чувственный характер увлечения Пушкина.¹ Невозможно допустить, чтобы Пушкин и «мщенье — бурную мечту ожесточенного страданья» — принес в жертву той, которую он называл «вавилонской блудницей», которой он писал в таком легком тоне: «Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная!.. и потом: «ах мерзкая!» Простите, прекрасная и нежная, но это так», и т. д. Вряд ли бы стал Пушкин выражаться: «все в жертву памяти твоей», в то время, как Керн была так недалеко от него: в Тригорском, или в Риге, или в С.-Петербурге (с момента встречи 1825 года, Керн только в этих местах и была в этот год). Все эти соображения приводят к следующему выводу отрицательного характера: предположение о посвящении стихотворения А. П. Керн не может быть допущено. И такой вывод имеет свое значение.

Прежде чем обратиться к предположению П. А. Ефремова, остановимся на комментариях И. А. Шляпкина, которые могут послужить образцом того, как не следует делать комментарии. Разбор их поможет нам проникнуть в содержание стихотворения, а выяснение содержания имеет существенное значение для нашей цели. Высказавшись предположительно о посвящении стихов А. П. Керн, И. А. Шляпкин без оговорок распределяет партии: «на Е. Н. Вульф намекает поэт, когда говорит о слезах воспаленной девы. «Трепет ревности моей» — конечно, намек на А. Н. Вульфа, уехавшего с А. П. Керн в Ригу». Необходимо указать, что подобные комментарии могут опешлять стихи Пуш-

¹ См. мою книгу «Пушкин и мужчины» М. 1928. Изд-во «Федерация», стр. 45—46, и мою статью «Любовный быт Пушкинской эпохи» в книге А. Н. Вульф, Дневники, ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 13—28.

кляда и лишая их всякого художественного смысла. Стихотворение прекрасно именно по глубокому чувству, его пронизающему: поэт приносит в жертву памяти о любимой женщине все самое ценное для его души, и слезы воспаленной любовью девушки, всякой девушки, и мучения ревности, всякие мучения, и блеск славы и т. д. И. А. Шляпкин низводит стихотворение почти до эпиграммы: — увы, поэт готов пожертвовать памяти любимой им только слезы Евпраксии Николаевны Вульф; поэт готов ради памяти отказаться ревновать ее к Алексею Николаевичу Вульфу.

Но прав ли П. А. Ефремов, утверждая, что это стихотворение относится к Ризнич?

II

Эпизод одесского увлечения Пушкина Амалией Ризнич принадлежит к интереснейшим и запутаннейшим пунктам биографии поэта.

Все фактические данные о А. Ризнич исчерпывались до последнего времени всего на всего двумя сообщениями. Первое принадлежит проф. К. П. Зеленецкому, и оно появилось в 1856 году в Одесском Вестнике и тогда же было перепечатано в Русском Вестнике.¹ Проф. Зеленецкий заявил себя, как осторожный исследователь, и на достоверность его сообщений можно полагаться, но необходимо обратить внимание на особенность источника его сведений: он разузнал о Ризнич от одесских старожил, — а следовательно, узнал то, что говорилось о ней в Одессе. Второе сообщение принадлежит проф. М. Е. Халанскому; оно появилось в «Харьковском университетском Сборнике» 1899 года. Со слов проф. Сречковича, пр. Халанский передает рассказы мужа Ризнич. По этим двум сообщениям история Ризнич выясняется в следующих чертах.

Иван Ризнич, сын богатого сербского купца, человек отлично образованный в итальянских университетах, сначала имел банкирскую контору в Вене, а потом переселился в Одессу и занялся хлебными операциями. С Ризничем Пушкин познакомился в один из своих приездов в Одессу из Кишинева. В 1822 году Иван Ризнич уехал в Вену жениться и весной 1823 года возвратился с молодой женой. В начале июня этого года Пушкин переселился на жительство в Одессу. Тогда же начинается его знакомство с женой негоцианта. Кто же была она? Пушкин и его одесские современники считали ее итальянкой; проф. Зеленецкий сообщает, что она — дочь венского банкира Риппа, полунемка, полуйтальянка, с примесью, быть может, еврейской

¹ Перепечатано в книге проф. В. А. Яковлева: «Отзывы о Пушкине с юга России». Одесса, 1887. Добавлением к этой статье являются некоторые данные в «Заметке о Пушкине» в «Библиографических Записках» 1858 г., стр. 137.

крови. Сречкович со слов мужа Ризнич утверждает, что она была итальянка, родом из Флоренции. Нет оснований не верить словам Сречковича. Относительно необыкновенной красоты А. Ризнич все современники согласны: высокого роста, стройная, с пламенными глазами, с шеей удивительной формы, с кэсой до колен. Она ходила в необыкновенном костюме: в мужской шляпе; в длинном платье, скрывавшем большие ступни ног. Среди одесских женщин она была поразительным явлением. В. И. Туманский писал 16 января 1824 года из Одессы своей приятельнице об одесских дамах: «недостаток светского образования чувствителен в одесских дамах. Женщины — первые создательницы и истинные подпоры обществ. Следовательно, им непростительно упускать всякую малость, способствующую выгодам сего нового отечества. Все приманки ума, ловкости просвещения должны быть употреблены, дабы внушить в мужчине и охоту к светским удовольствиям, и сердечную признательность к дамам. У нас ничего этого нет, — замужние наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризнич) дичатся людей», и т. д. Ризнич, очевидно, подходила к тому идеалу женщины, который рисует Туманский. Амалия Ризнич не была принята в высшем одесском обществе, которое и сосредоточивалось-то в одном доме графини Воронцовой.¹ Что преграждало ей доступ в высший свет: эксцентричность одежды, необыкновенность поведения или социальное положение, или, наконец, другие обстоятельства, о которых глухо говорит проф. Зеленецкий? На этот вопрос мы ответить не можем. Поклонники ее собирались в доме Ризнич. Их было не мало: среди них особенно настойчивым был Пушкин. По выражению мужа Ризнич, Пушкин увивался около Амалии, как котенок (као маче, — по-сербски). Одесские старожилы передавали проф. Зеленецкому, что Пушкин встретил соперника в польском шляхтиче Собанском. Иван Ризнич называет князя Яблоновского. Пользовался ли Пушкин взаимностью Амалии Ризнич? Молва утверждает, а Ризнич, представивший к жене для наблюдения старого своего

¹ В 1927 году появилась статья А. А. Сиверса «Семья Ризнич» (Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII, стр. 85—104). Автор ознакомился с письмами И. С. Ризнича к П. Д. Киселеву и извлек не мало любопытных данных для нашей темы. Между прочим Сиверс пишет здесь: «Следует также если не отвергнуть, то значительно ограничить утверждение, что «в высшем кругу тогдашнего Одесского Общества... г-жа Ризнич принята не была». Такому категорическому утверждению противоречит и известный отзыв о г-же Ризнич В. И. Туманского [письмо 16 января 1824 г.], но лучшим доказательством его неправильности служит личное знакомство ее с Софией Станиславовной Киселевой. В больших провинциальных городах, как Киев, Одесса, в особенности с разноплеменным населением, общество обычно разбивается на определенные, довольно обособленные кружки. Мне думается, что если Ризнич не бывали в интимном обществе графини Е. К. Воронцовой, то из этого не следует, чтобы они совсем не были приняты в высшем обществе». (Назв. статья, стр. 93).

слугу, отрицает. Ризнич пробыла в Одессе недолго; муж говорит, что она расстроила свое здоровье и уехала лечиться. 30 апреля 1824 года, из одесского городского магистрата было выдано свидетельство на право выезда за границу г-ну Ивану Ризничу с семейством, а в первых числах мая г-жа Амалия Ризнич, вместе с маленьким сыном Александром, слугою и двумя служанками выехала в Австрию, Италию и Швейцарию. 30 июля Пушкин уехал в Михайловское. В Одессе рассказывали, что вскоре после отъезда Ризнича выехал и соперник Пушкина, Собаньский; за границей он догнал ее, проводил до Вены и бросил. Муж Ризнич говорит, что за Ризнич последовал во Флоренцию князь Яблоновский и здесь добился ее доверия. Ризнич недолго прожила на родине. По всей вероятности, в начале 1825 года, она умерла, «кажется, в бедности, призренная матерью мужа», как говорили в Одессе. Но, по словам мужа, она не получала от него отказа в денежных средствах во время жизни в Италии. Этим ограничивались все наши фактические сведения об Амалии Ризнич. В 1927 году Сиверс опубликовал письмо Ризнича от 7/19 июня 1824 года, содержащее следующее любопытное сообщение об Амалии Ризнич:

«У меня тоже большое несчастье со здоровьем моей жены. После ее родов ей становилось все хуже и хуже. Изнурительная лихорадка, непрерывный кашель, харканье кровью внушали мне самое острое беспокойство. Меня заставляли верить и надеяться, что хорошее время года принесет какое-нибудь облегчение, но к несчастью случилось наоборот. Едва пришла весна, припадки сделались сильнее. Тогда доктора объявили, что категорически и не теряя времени она должна оставить этот климат, так как иначе они не могли бы поручиться за то, что она переживет лето. Само собой разумеется, я не мог выбирать и стремительно решился на отъезд. Действительно я отправил ее вместе с ребенком и проводив ее до Броды, вынужден был вернуться сюда из-за моих дел, а она отправилась своей дорогой. Она поедет в Швейцарию, а осенью я присоединюсь к ней и отправлюсь с ней в Италию провести зиму. Лишь бы только бог помог ей восстановить здоровье!»

Амалия Ризнич имеет все права на внимание по тому влиянию, которое оказала она на душу поэта и, следовательно, на его творчество. Быть может, когда-нибудь мы будем иметь биографию поэта, — не фактическую только историю внешних событий его жизни, а историю движений его души, ее жизни. И будущий биограф должен будет определить, что внесла в эту жизнь Ризнич, и выяснить, в чем была индивидуальность этой любви Пушкина. Первый вопрос, на котором нужно остановиться — вопрос о том, какие же произведения Пушкина вызваны этой женщиной. Тут царит большая путаница: с именем Ризнич связывают различные стихотворения, иногда прямо противоположные по содержанию: Анненков создал даже «трех-

членную лирическую песнь» из стихотворений: Элегия 1825. («Под небом голубым»), «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней» — и связал эту песнь с именем Ризнич. Впрочем, он осторожно заметил, что трехчленная лирическая песнь обращена к одной или двум особам, умершим за границей. Осторожные замечания Анненкова были расширены и перетолкованы позднейшими исследователями, и Амалия Ризнич получила исключительное значение в жизни Пушкина; комментаторы и биографы стали принимать ее за ту таинственную женщину, которая внушила Пушкину вечную любовь к ней. Для решения поднятого в начале нашей заметки вопроса о том, можно ли отнести к Ризнич отрывок «Все в жертву памяти твоей», — необходимо разобраться в путанице различных приурочений поэтического материала к Амалии Ризнич. Нам представляется далеко не лишней попытка определить характер отношений поэта к жене одесского негодянта и выяснить, какие именно стихотворения Пушкина запечатлены ее влиянием.

III

Нам кажется, что внимательный анализ стихотворений Пушкина поможет нам разобраться в биографических вопросах, вызываемых ими. Начнем с элегии «Под небом голубым»; относительно этого стихотворения можно с достоверностью сказать, что оно относится к Амалии Ризнич. Обратим внимание на обстоятельства, при которых оно написано.

Амалия Ризнич выехала из Одессы за границу в первых числах мая 1824, а Пушкин отправился в ссылку 30 июля, — должно быть, раньше, чем распространились слухи о том, что вслед за Ризнич отправился его соперник. Последние месяцы своего пребывания в Одессе мысли Пушкина были заняты другой женщиной. В стихотворении «К морю», написанном непосредственно перед отъездом, в июле поэт обращается к морю:

Ты ждал, ты звал... Я был окован,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

Эти строки никак нельзя считать свидетельством отношений Пушкина к Ризнич, которая в это время была за границей: если бы он был окован могучей страстью к Ризнич, — незачем было бы оставаться у берегов! Из этого можно было бы сделать следующий вывод: увлечение Ризнич нужно отнести к начальному периоду пребывания Пушкина в Одессе. В стихотворениях 1830 года «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней» поэт рисует следующими чертами разлуку с неизвестной нам женщиной, в которой комментаторы видят Ризнич.

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой. («Заклинавшие»)

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой,
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал над тобой;
Мои владеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страстного разлуки
Мой стон молил не прерывать.
Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала:
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала, и т. д.

Но если принять во внимание, что поэт в это время был очарован могучей страстью, приковывавшей его к берегам Черного моря, если вспомнить, что вслед за Ризнич уезжал и соперник поэта, то придется усомниться в том, что оба эти стихотворения вызваны воспоминанием о разлуке с Ризнич.

Если бы момент расставания поэта с Ризнич соответствовал описанному в этих строках, то мы в праве были бы предположить, что и в Михайловском в своих воспоминаниях поэт обращался все к той же Амалии Ризнич, страсть в которой была так могуча. Но в это время, — пишет Анненков, — настоящая мысль поэта постоянно живет не в Тригорском, а где-то в другом — далеком, недавно покинутом крае. Получение письма из Одессы всегда становится событием в его уединенном Михайловском: после XXXII строфы 3 главы «Онегина» он делает приписку: «5 сентября 1824 года — Une lettre de***. Сестра поэта, О. С. Павлицева, рассказывала Анненкову, что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата, — последний запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе.¹ Памятником его благоговейного настроения при таких случаях осталось в его произведениях стихотворение «Сожженное письмо» 1825 года. К первым месяцам пребывания в Михайловском относится элегия «Ненастный день потух». Она и самим поэтом отнесена, в издании стихотворений 1826 года, к 1823 году — и всеми издателями печатается под этим годом, но анализ содержания дает несомнен-

¹ Совершенно не понятно, на основании каких данных В. Я. Брюсов в своей статье «Из жизни Пушкина» («Новый Путь», 1903, июнь) сообщает: «Когда в Михайловском приходили письма от Ризнич, Пушкин запирался у себя в кабинете и старался весь день не видаться ни с кем».

ные указания на то, что элегия написана в Михайловском. В первых четырех стихах поэт рисует обстановку, которая окружает его:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой,
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла..
Все мрачную тоску на душу мне наводит.

Пейзаж, несомненно, северный, и в 1823 году поэт не мог видеть его перед своими глазами. Этому пейзажу поэт противопоставляет следующую картину.

Далеко, там, луна в сиянии восходит,
Там воздух напоен вечерней теплотой,
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами..
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими воднами,
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна..

Некоторые комментаторы относили эти стихи к Ризнич, но это неверно, потому что Ризнич в это время была в Италии, в стране, в которой не было для Пушкина «заветных» скал. Речь идет, конечно, об Одессе, и под скалами тут нужно понимать не скалы гор, а скалы гротов. П. О. Морозов делает совершенно несомнительное предположение, что «она» — это Мария Николаевна Раевская, та Раевская, о которой 18 октября 1824 года кн. Сергей Григорьевич Волконский, декабрист, писал из Петербурга Пушкину: «имев опыты вашей ко мне дружбы и уверен будучи, что всякое доброе о мне известие будет вам приятным, уведомляю вас о помолвке моей с Марией Николаевной Раевскою. Не буду вам говорить о моем счастье». Вряд ли может быть отнесено к М. Н. Раевской это стихотворение, в особенности заключительные его строки:

Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна..
Одна... Никто пред ней не плачет, не тоскует.
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна... Ни чьим устам она не предаст
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных,
.....
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда-ль: ты одна? ты плачешь? я спокоен.
.....
Но если.....»

Точки поставлены самим Пушкиным; рукопись этого стихотворения нам неизвестна. Итак, этой элегии нельзя отнести ни к М. Н. Раевской, ни к Амалии Ризнич. Не относится ли она к той особе, о которой так туманно говорит Анненков?

Среди стихотворений, написанных в Михайловском, мы встретили еще одно, которое также дает доказательство того, что не Ризнич владела мыслью поэта в его уединении, что не она была могучей страстью Пушкина в Одессе. Это — «Желание славы» (7 июля 1825 года); лицо, к которому обращено это стихотворение, опять-таки мы должны искать не в Тригорском, а там, где поэт был до ссылки в Михайловское; стихотворение включает, по нашему мнению, важное автобиографическое свидетельство, указание на обстоятельства, сопровождавшие разлуку поэта с этой особой, и намек на какую-то связь этой любви поэта с его высылкой из Одессы.

Когда, любовью и негой упоенной,
Безмолвно пред тобой колено преклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным призванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры,
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: «Скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчанье хранил;
Я наслаждением весь полон был; я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда.. И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, — все на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно; чтоб ты мною
Окружена была; чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне;
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

О минуте разлученья идет речь и в отрывке, который находится в одесской тетради Пушкина.

Все конечно: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени
Произношу я горестные пени.
Все конечно, я слышу твой ответ,
Обманывать себя не стану,
Тебя (роптанием) преследовать не буду
(И невозвратное), быть может, позабуду.
(Я знал: не для меня) блаженство,
Не для меня сотворена любовь...
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...

И в этом, и в предыдущем стихотворении любовная связь преобразуется в силу каких-то неясных для нас, внешних обстоятельств. «Последние моления в саду, во тьме ночной, в минуту разлученья» первого стихотворения («Желание славы») напоминают «горестные пени» отрывка. В стихотворении взаимная горячая любовь гибнет от неожиданных внешних событий... «Слезы, муки, измены, клевета», все вдруг обрушилось на голову поэта. В отрывке, по неясным причинам, любимая поэтом приходит к мысли о необходимости разорвать свои интимные отношения с ним.

Наблюдения над рукописями этих пьес могут при дальнейшем расследовании истории увлечений Пушкина, дать материал для любопытных выводов. Отрывок по положению его в тетради (2369-ой) датируется 1824 годом: если от датировки требовать точности, то его можно было бы отнести и к 1823 году, но во всяком случае его не должно относить ко времени позже 8 февраля 1824 года, ибо на той странице тетради, где он вписан, сейчас же вслед за ним находится несомненно писанный позже отрывок черновик письма к Бестужеву, которое в беловом помечено 8 февраля 1824 года. Следовательно, то действительное событие, о котором идет речь в отрывке, случилось до 8 февраля 1824 года.

«Желание славы» напечатано в издании 1826 года под 1825 годом, в беловом автографе стоит помета «7 июля». В тетради 2369 на об. 39 листа сохранился черновик, вверху, перед этим находим черновик к 39-й строфе 2-й главы «Онегина», которая, как известно, дописывалась в конце ноября, в начале декабря 1823 года; а на следующей 40-й странице тетради черновик письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года. Таким образом, если только конец страницы 39-й об. не был заполнен как-нибудь случайно позже, если на этих страницах Пушкин пользовался своей тетрадкой систематично, то время появления черновика относится к декабрю 1823 года. Обращаясь к перечеркнутому тексту, мы должны считать набросок на стр. 39-й об. не столько черновой редакцией элегии «Желание славы», сколько первоначальной редакцией иного замысла, редакцией, которая послужила потом для обработки элегии в позднее время, именно в 1825 году. Фактические обстоятельства в это время даже изменились. И если вступительные стихи наброска в 1823 году говорили о настоящем времени: «когда [любвию] желанием и [щастьем] негой упоенный Я на тебя гляжу коленапреклоненный», то в 1825 году поэт пользуется уже прошедшим временем. Самое содержание первоначальной редакции очень любопытно. Набросок читается с большим напряжением и вот что можно разобрать среди полузачеркнутых и под зачеркнутыми строками

желаніемъ нбгой [нрзб]
 Когда [любовію] и [щастьемъ] [утомленный]
 Я на тебя гляжу колѣнопреклоненный
 мѣ главу [нрзб] [нрзб] уста
 И ты [миѢ] [нр] обнимешь, и [нрзб] въ уста
 И лечишь [нрзб]
 [Цалуешь] поцалуемъ —
 Дыханье жар-
 кихъ усть [За чѣмъ тогда] [мрачить?]
 [съ любовію] вливаешь мы
 [И] [на гла- [Мы] [ждемъ тоскуемъ]
 захъ] Свое дыханье вливаешь
 [И имъ] [ты дум] я
 Щастливъ ли [я].

Я не завижду богамъ

В пушкинской литературе укрепилося предположеніе, что та особа, к которой дѣтала мысль поэта в Михайловском и о которой так туманно говорит Анненков, — жена начальника по одесской службѣ Пушкина, графиня Елисавета Ксавериевна Воронцова; отношенія ее к Пушкину совершенно не обследованы биографами поэта. Такому расследованію долго мешало, конечно, то обстоятельство, что графиня была жива и умерла только в 1880 году. «Преданія эпохи, — писал в 1874 году Анненков, — упоминают еще о женщине, превосходившей всех других по власти, с которой она управляла мыслью и существованіем поэта. Пушкин нигде о ней не упоминает, как бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головки, спокойного, благородного, величавого типа, которые идут почти по всем его бумагам из одесского періода жизни». К сожаленію, до сих пор мы не имеем критическаго расследованія отношеній Пушкина к княгинѣ Е. К. Воронцовой, которое дало бы нам право притти к определенному на этот счет мненію. ¹

IV

Одесскіе новости доходили до Пушкина очень туго; он постоянно жалуется в своих письмах из Михайловскаго на их отсутствіе и просит их. Не много знал он и о Ризнич. 21 августа 1824 года А. Н. Раевскій сообщал Пушкину о муже Ризнич, о том, что он «оцять приняя бразды театральнаго правленія, и актрисы ему одному повинуются». Профессору Зеленецкому рассказывали люди, близкіе к Ивану Ризничу, что он был в перепискѣ с Пушкиным; трудно поверить этому известію:

¹ Сравни. выше приключаніе на стр. 240.

что же было общего между обманутым мужем и любовником его жены? Вряд ли к кому другому, а не к Амалии Ризнич, может быть отнесен отрывок из описания Одессы в «Евгении Онегине»:

А только ль там [в Одессе] очарований?
А розыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?
А ложа, где, красой блистая,
Негодянтка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет, и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лезтьем пополам ...
А муж — в углу за нею дремлет,
В просонках «фора!» закричит,
Зевнет — и снова захрапит.

С этим-то мужем вряд ли бы стал переписываться Пушкин, и не из его писем узнал Пушкин о смерти Амалии Ризнич за границей. Ризнич умерла в первой половине 1825 года. Муж Ризнич, по крайней мере, получил известие о ее смерти 8—9 июня: 8 июня в письме к П. Д. Киселеву он сделал приписку: «я сейчас только получил печальную весть о смерти моей бедной жены». ¹ Итак 8—10 июня 1825 года в Одессе уже знали о ее смерти и об обстоятельствах, предшествовавших смерти: говорили и о том, что Иван Ризнич предоставил ей умереть в нищете (мы видели, что сам Ризнич, в разговоре с Сречковичем, отрицал это). Подпись: «июль 1825», мы встречаем под сонетом одного из поклонников Ризнич, В. И. Туманского: «На кончину Р». Этот сонет напечатан в альманахе Раича и Ознобишина: «Северная лира на 1827 год» (цензурное разрешение на печатание дано 1 ноября 1826 года) с посвящением А. С. Пушкину. Трудно допустить, чтобы Пушкин прочел этот сонет только в печати. Пушкин переписывался с В. И. Туманским: до нас дошло по несколько писем того и другого, между прочим, и письмо Пушкина к Туманскому, от 13 августа 1825 года. Анализируя содержание этого письма, мы не найдем в нем ни одной фразы, которая обнаруживала бы, что это письмо Пушкина к Туманскому — не первое, им писанное. Между прочим, Пушкин писал в нем:² «Об Одессе, кроме газетных известий, я ни-

¹ Названная статья Сиверса, стр. 93.

² Первые строки этого письма (Письма Пушкина, ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 151—152) для нас не совсем понятны: «буря, кажется, успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда». Любопытно, что эти строки дословно совпадают с началом черногого наброска письма к Княжевичу, написанного в конце ноября, в начале декабря 1824 года. Это письмо там же, стр. 102. И в этом наброске поэт жадно просит вестей из Одессы: «Об Одессе — ни слуху, ни духу. Сердце вести просит, — [но ни] — с пр. не смел затеять переписку с оставленными товарищами» и т. д.

чего не знаю, напиши мне что-нибудь». Последняя фраза дает основание думать, что ответ Туманского был первым его письмом к Пушкину. Вполне естественно предположить, что Туманский поделился с Пушкиным своим стихотворением, написанным на смерть Ризнич и посвященным Пушкину. Свое стихотворение он должен был сопроводить некоторыми фактическими разъяснениями, без которых не все в нем было бы понятно Пушкину. Вот что писал Туманский о Ризнич:

Ты на земле была любви подруга:
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слез,
Горела страсть, блистало небо юга.
К твоим стопам с горячностью друга
Склонился мир — твои оковы нес,
Но Гименей, как северный мороз,
Убил цветок полуденного дуга.
И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? Где страстные рыданья?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,
Уж новый огонь волнует души их;
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья!

Посвящая Пушкину это стихотворение, не думал ли о нем Туманский, когда писал о рассеявшихся поклонниках, которых уже к другим красавицам влекут желанья, и души которых волнует новый огонь? Если думал, то ведь он разумел под новыми увлечениями поэта не увлечения сельца Михайловского, а одесские увлечения, которые одни только и могли быть ему известны. В стихах Туманского необходимо отметить легкий оттенок сожаления, укора, обращенного к умершей.

Ответом на известие о смерти Ризнич, полученное поэтом или от Туманского или от кого-либо другого (мы больше склонны к первому предположению), была известная элегия: «Под небом голубым страны своей родной она томилась, увядала». Уже первые строки показывают, что поэту была известна одесская версия рассказа о смерти Ризнич, в бедности, брошенной и любовником, и мужем.

Увела, наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть;
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.

Нам необходимо запомнить то впечатление, с которым поэт принял известие о смерти когда-то любимой им женщины. Он был равнодушен; в его сердце уже не было любви к ней. В этих стихах обращает внимание выражение; «из равнодушных уст я слышал смерти весть»; эти слова хочется сопоставить с той характеристикой, которую дает своему сонету

Туманский: «сей голос струн чужих». Но откуда же такое полнейшее равнодушие у Пушкина, который когда-то был страстно увлечен Ризнич? Ее образ запечатлелся в его представлении; не затмили ли его те сведения, которые сообщили ему или Туманский, или кто-нибудь из одесских приятелей, по слухам, циркулировавшим в Одессе?

Так вот кого любил я пламенной душой,
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

Какое тяжелое осуждение тому, кто был так любим прежде! Бедная легковерная тень! Легковерная, потому что легко верила в клятвы любви... Трудно поверить, что на Пушкина так подействовало только одно сообщение о том, что его соперник уехал вслед за Ризнич: было что-то и другое, для нас исчезнувшее.

Итак, эта элегия, несомненно относящаяся к Ризнич, дает немногочисленные, правда, но определенные указания на характер увлечения Пушкина Амалией Ризнич и свидетельство о судьбе его отношений к ней после отъезда из Одессы. Опираясь на эти данные, можно уже прямо выбрасывать из цикла Ризнич те стихи, в которых мы найдем противоречащую характеристику Ризнич; но прежде чем перейти к дальнейшему разбору, остановимся еще на разобранной элегии. Когда написана она? В издании 1829 года элегия отнесена самим поэтом к 1825 году, но автограф элегии, вновь найденный в 1899 году, дает указание на 1826 год, как на год создания этой пьесы.¹ В этой рукописи сверху перед стихотворением имеется помета «29 июля 1826 года. Кроме того, под стихотворением читаем еще следующие пометы.

Усл. о см. 25.

У. о с. Р. П. М. К. Б. 24.

Пока этот автограф считался утерянным и мы знали о нем только по неточным сообщениям Анненкова, можно было толковать о том, что помета «Усл. о см. 25» содержит указание на год (1825), в который Пушкин услышал о смерти Ризнич. Но теперь, когда мы можем прочитать пометы на ново-найденном автографе, мы, кажется, не должны сомневаться, что «Усл. о см. 25» означает «услышал о смерти [Ризнич] 25 июля», а «У. о с. Р. П. М. К. Б. 24», «услышал о смерти

¹ Д. Сапожников, Ценная находка. Вновь найденные рукописи Пушкина. СПб. 1899, стр. 34-35.

Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 [июля].¹ Чтобы покончить с историей этого стихотворения, нужно указать, что Пушкин в рукописи сообщил его Туманскому; по крайней мере, в письме от 2 марта 1827 года, В. И. Туманский писал Пушкину: «Одна из наших новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнича на сестре Собаньской, Виттовой любовнице. В приданое за ней получил Ризнич в будущем 6000 черв., а в настоящем—Владимирский крест за услуги, оказанные одесскому лицее. Надобно знать, что он в лицее никогда ничего не делал. Новая м-м Ризнич, вероятно, не заслужит ни твоих, ни моих стихов по смерти: это—малютка с большим ртом и с польскими ухватками».² Очевидно тут говорится об элегии «Под небом голубым», потому что никаких других мы не знаем. А эта элегия появилась в печати лишь в «Северных Цветах на 1828 год». Пушкин отослал ее Дельвигу только при письме от 31 июля 1827 года.

V

Еще раз остановимся на той строфе элегии, которая рисует характер увлечения Пушкина Ризнич. В 1828 году Пушкин писал о себе:

Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья,
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой!

Но всякая любовь индивидуальна.

Какой же характер имела любовная схватка Пушкина в 1823 году? Страсть к Ризнич оставила глубокий след в сердце Пушкина своєю жгучестью и муками ревности.

Так вот кого любил я пламенной душой,
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!

Тяжелое напряженье любви, нежная томительная тоска, безумство и мученье—вот характерные признаки увлечения Пушкина, его страсти.

Последнее—вернее. Современники рассказывали проф. Зеленецкому, что Ризнич любила быть окруженной толпой поклонников, что Пушкину приходилось соперничать из-за ее любви. Яркое изображение своих мук Пушкин оставил в элегии: «Про-

¹ Они были повешены в С.-Петербурге 13 июля 1826 года. К такому толкованию помет присоединяется и В. В. Вересаев в своей любопытной статье «К психологии Пушкинского творчества» сначала в Красной Нови, 1923, кн. 5, авг.—сент., и затем в книге «В двух планах». М. «Недра» 1929.

² А. С. Пушкин. Изд. Бартенева, вып. 2. М. 1885, стр. 127.

стишь ли мне ревнивые мечты». Многочисленные намеки на действительность объясняются только при предположении, что элегия обращена к Ризнич; проф. Зеленецкий в своей статье доказал это вполне убедительно. ¹

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волнение?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображение?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мой разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседе чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда ... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с болезнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая

Это стихотворение было написано в 1823 году ² и напечатано в Полярной Звезде на 1824 год, с многочисленными

¹ П. О. Морозов] (Соч. Пушкина, 1903, т. I, стр. 652) отказывается признать это стихотворение относящимся к Ризнич на том основании, что в нем говорится о матери той особы, к которой обращено стихотворение, а г-жа Ризнич жила в Одессе не с матерью, а с мужем. Как раз это обстоятельство и дает лишний мотив отнести элегию к Ризнич, потому что, как указывает проф. Зеленецкий, первые шесть месяцев по отъезде в Россию при Ризнич находилась ее мать. Кстати, это сообщение дает указание и на время страсти Пушкина к Ризнич.

Двусмысленный со мною разговор,
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще; соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?
Что ж он тебе? Скажи: какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час, меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим ... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

² Можно датировать еще точнее: стихотворение написано не раньше 14 октября 1823 года, так как черновик его написан на л. 16 тетради 2319 сейчас же вслед за черновиком письма к Вяземскому от 14 октября 1823 года.

опечатками, заставившими Пушкина напечатать его вновь у Булгарина, в Литературных Листках (февр. 1824 г. № 4, стр. 134). Здесь были исправлены ошибки, но зато исчезли строки, имеющие автобиографическое значение и набранные у нас разрядкой. В черновой рукописи подробнее обрисован соперник:

Предательски тобой ободренный
Соперник мой надменный,
Всегда, всегда преследует меня,
Он вечно тут, колено преклоня.
Являюсь я — бледнеет он ...
Иль иногда предупрежденный мной ...

И в самом стихотворении, и в набросках — яркая картина мук ревности, мук томительной и жгучей чувственной любви... Эта картина и изображение страсти в элегии «Под небом голубым» набросаны одними и теми же красками. В нашем воображении вырисовывается образ обольстительной женщины, которая приковывала к себе властью своей красоты и чувственного влечения. Она умела возбуждать чувства ревности, могла измучить человека и хотела овладеть всеми. Первые месяцы пребывания Пушкина в Одессе ознаменовались «безумными волнениями» любви к Амалии Ризнич, и только под конец его пребывания новая страсть, не похожая на эту, вытеснила образ Ризнич из сердца Пушкина. Но период увлечения Ризнич остался памятным. В 1826 году Пушкин окончил в Михайловском шестую главу «Онегина»; в ней мы находим следующие строфы, в печати выброшенные. XV строфа ясно рисует отношение Пушкина к чувству ревности:

Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно, как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй Бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых.
Поверьте мне, кто вынес их,
Тот уж, конечно, без боязни
Войдет на пламенный костер,
Иль шею склонит под топор.

Это описание ревности говорит о том, что поэту были хорошо знакомы ее муки. Следующая строфа посвящена памяти той, которая заставила поэта перенести все терзания, всю болезнь ревности:

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о, ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным!..

Как учат слабое дитя,
Ты, душу нежную мутя,
Учила горести глубокой;
Ты негой волновала кровь,
Ты воспяляла в ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но он прошел, сей тяжкий день!
Почий, мучительная тень.

Эта строфа является как бы комментарием к элегии 1823 года: «Простишь ли мне ревнивые мечты». Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что эти строфы вызваны воспоминаниями о Ризнич.

VI

К Ризнич принято относить стихотворение «Иностранке» (В альбом):

На языке, тебе невятном,
Стихи прощальные пишу, и т. д.

Под этими стихами в рукописи стоит следующая помета: «*Veux-tu m'aïmer? 18, 19 mai 1824 Pl. s. D^o.*». Ризнич получила заграничный паспорт 30 апр. 1824 года и, по справке проф. Зеленецкого, выехала в первых числах мая. С некоторой натяжкой можно было бы первые числа мая дотянуть до 18, 19 мая, для того чтобы иметь возможность относить эти стихи к Ризнич. Но эгому мешает, главным образом, то, что первый его набросок мы находим в записной книжке 1820—22 года, т. е. того времени, когда о Ризнич Пушкин не имел никакого представления. Другой черновой набросок этого стихотворения мы встречаем в кишиневской тетради 1822 года. Во всяком случае, первоначально Пушкин предназначал стихи для иностранки, нам неизвестной; быть может, в окончательной редакции он посвятил его Ризнич, но тогда, конечно, на это стихотворение можно смотреть только как на альбомную заметку, не более, а не как на искреннее выражение глубокого чувства; в последнем случае поэт не стал бы приспособлять к моменту свои старые стихи. Вернее всего относить эти стихи не к Ризнич, а к особе, имя которой нам неизвестно.¹

¹ Соч. Пушкина, ред. П. О. Морозова, 1903, т. I, стр. 656—58. В сборнике материалов Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина «Декабристы» на стр. 18 (и 27) напечатано письмо К. Ф. Рыльева к В. И. Туманскому, в котором он говорит, что слово „богтворить“ в стих. „Иностранке“ не будет пропущено цензурой и просит, чтобы Пушкин „пожертвовал“ его для „Полярной Звезды“; но стихотворение это в „Полярной Звезде“ напечатано не было и появилось в печати только в „Стихотворениях Пушкина“ изд. 1825 г.; таким образом наше предположение о том, что оно не относится к Ризнич, подтверждается.

Нам кажется, что после всего сказанного характер увлечения Пушкина Амалией Ризнич определенно ясно. Можем ли мы относить к Ризнич стихотворения 1830 года: «Закливание», элегию «Для березгов отчизны дальней» и «Расставание»? Все эти произведения закончены Пушкиным осенью 1830 года, когда поэт сидел, окруженный карантинными, в своем Болдине, вдали от своей невесты, Н. Н. Гончаровой. Настроение Пушкина в этот период было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что перед свадьбой он обращался мыслью не к будущей своей жене, а к памяти другой, умершей женщины. Можно предполагать, по психологическим соображениям, что все три стихотворения обращены к одному лицу и в таком случае составляют превосходную лирическую трилогию. «Закливание» написано 17 октября; элегия — 27 ноября; «Расставание», представляющее по содержанию своему как бы эпилог к двум первым, имеет помету 5 октября 1830.¹ Первая строфа «Расставания» рисует отношение поэта к неизвестной нам женщине, вдохновившей его на трилогию:

В последний раз твой образ милый
 Держаю мысленно ласкать,
 Будить мечту сердечной силой,
 И с негой робкой и унылой
 Твою любовь вспоминать.

Нечего и говорить о том, что тут поэт говорит не о Ризнич. Никким образом не мог Пушкин вспоминать с негой робкой и унылой опустошительную страсть к Ризнич. «Закливание» и элегия — изображение мистической, загробной любви Пушкина:

О, если правда, что в ночи
 Когда покоятся живые,
 И с неба лунные лучи
 Скользят на камни гробовые,

О, если правда, что тогда
 Пустеют тихие могилы —
 Я тень зову, я жду Лейлы:
 Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

.
 Зову тебя не для того,
 Чтоб укорять того

 но, тоскуя,
 Хочу сказать, что все люблю я,
 Что я все твой.

(«Закливание».)

¹ Автографы «Закливания» и «Расставания» в Пушкинской коллекции, принесенной в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой. См. описание В. И. Срезневского (отд. и в изд. «Пушкин и современники» вып. IV).

Твоя краса, твои страдания
Исчезли в урне гробовой —
Исчез и поцелуй свиданья...
Но жду его: он — за тобой!..»

(«Для берегов отчизны дальней».)

Возвышенный и мистический оттенок этой любви Пушкина никак не подходит к той совершенно определенной характеристике отношений Пушкина к Ризнич, которую мы выше сделали. Кроме того, признание этих стихотворений за посвященные Ризнич прямо противоречит тем данным, которые мы получили на основании анализа элегии «Под небом голубым». В последней поэт говорит о своем равнодушии к памяти этой женщины, а в стихах 1830 года — о своей любви, которой не уничтожила сама смерть. Наконец, мы уже указывали, что описание разлуки в «Заклинании» и элегии «Для берегов отчизны дальней» совершенно не соответствуют моменту расставания в действительных отношениях Ризнич и Пушкина. Если верно предположение, что заметка «Иностранке» находится в альбоме Ризнич, то это только подкрепляет наше мнение. Все эти соображения заставляют нас отрицать мнение об отношении этой поэтической трилогии 1830 года к Амалии Ризнич.¹

После всего сказанного о характере отношений Пушкина к Ризнич, без дальнейших рассуждений, мы можем притти к тому выводу, что и стихотворение, которым начинается наша статья, «Все в жертву памяти твоей», написанное в 1825 году, никоим образом не может быть отнесено к Амалии Ризнич.²

Остается еще сказать об одном стихотворении, которое связывают с именем Ризнич. Это — известное «Воспоминание» (1828), доставляющее много хлопот биографам поэта. Поэт с грустью и тоской вспоминает свои «утраченные годы»:

¹ Некоторое основание относить к Ризнич элегию «Для берегов отчизны дальней ты покидала край чужой» дают первые строки стихотворения. Известно, что Пушкин, отдавая в печать свои стихи, всегда стремился уничтожить все намеки, которые могли бы помочь добраться до действительности. Поэтому чрезвычайно любопытно указание Анненкова на то, что рукопись элегии начинается так: «Для берегов чужбины дальней ты покидала край родной».

² В своих замечаниях об этом стихотворении П. А. Ефремов (Соч. Пушкина, 1903 г., т. VII, стр. 150) пишет: «мое будто бы «падающее» мнение основано на замечаниях Анненкова, знавшего дату 1825 (а не 1826 г.) и, тем не менее, отнесшего стихи в трилогии: «Под небом голубым», и т. д. Тут кроется недоразумение: Анненков не высказывался по поводу отрывка «Все в жертву памяти». На стр. 347 первого издания «Материалов», на которую ссылается П. А. Ефремов, Анненков предположительно относит к трилогии не этот отрывок, а другой (XII): «Все кончено», и т. д. Мы видели насколько справедливо мнение Анненкова.

Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наносит холодный свет
Неотразимые обиды.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака молодые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые,
Но оба с крыльями и с пламенным мечем,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах вечности и гроба!

Биографам поэта хочется во что бы то 'ни стало разузнать, кто эти две тени. Если понимать стихотворение, как поэтическую метафору, то, пожалуй, поиски за мстящими тенями оказываются лишними. Анненков считает весьма правдоподобным, что под одной из этих оскорбленных теней Пушкин подразумевал А. Ризнич. Мы знаем, чему научила Ризнич поэта; ее — то он уж ни в коем случае не мог взять в ангелы-хранители. Но кто же все-таки, спросит читатель, если не эти тени, то та умершая особа, которая вдохновила Пушкина на трилогию 1830 года и которая за гробом овладела мыслями поэта? При современном состоянии наших данных о Пушкине, мы не можем ответить на этот вопрос. Впрочем, это далеко не единственный вопрос в истории внутренней жизни поэта, который мы не можем решить.

Подводя итоги нашим разысканиям, мы можем утверждать, что цикл Ризнич в творчестве Пушкина обнимает следующие произведения поэта: элегию 1823 года («Простишь ли мне ревнивые мечты»); элегию 1825 или 1826 года («Под небом голубым») и XV—XVI строфы шестой главы «Онегина», оставшиеся в рукописях. Все же остальные стихотворения, связывавшиеся с именем Ризнич, не могут быть относимы к ней.

С.-Петербург. 1903 г.